

РИКАРДА ДЖОРДАН

ЛЮЦИЯ СПАСЕННАЯ

Майнц, 1348 год. Черная смерть уносит сотни жизней. Лекарства нет, и нет надежды. Лишь Люция, молодая девушка, отваживается вступить в схватку со смертельной эпидемией. Она воспитана в приемной семье, где ей дали образование и пробудили интерес к медицине. Теперь Люция становится спасительницей для многих людей. Вместе с молодым целителем Клеменсом фон Трейстом, рискуя собственной жизнью, она сдерживает чуму. Но в самый разгар эпидемии девушка теряет верного спутника и возлюбленного Клеменса.

В Майнце становится небезопасно. Люцию объявили ведьмой, и она должна бежать из города. Что ждет ее впереди, за пределами городских стен, там, где нет союзников и друзей? Встреча с любимым и спасение? Или испепеляющая правда о прошлом, которая отберет у нее надежду?..

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9285-7

9 786171 292857

РИКАРДА
ДЖОРДАН

ЛЮЦИЯ
СПАСЕННАЯ

РИКАРДА ДЖОРДАН

ЛЮЦИЯ СПАСЕННАЯ

КСД

ЛЮЦИЯ
СПАСЕННАЯ

РИКАРДА ДЖОРДАН

ЛЮЦИЯ
СПАСЕННАЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2022 КСД

УДК 821.112.2
Д42

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Jordan R. Die Pestärztin : Roman / Ricarda Jordan. —
Köln : Bastei Lübbe, 2009. — 640 S.

Перевод с немецкого *Антонины Ивахненко*

ISBN 978-617-12-9285-7
ISBN 978-3-404-15-990-1 (нем.)

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2009
© Depositphotos.com / Foto-
lit2, HayDmitriy, frostedc-
mos@yahoo.com, обложка,
2021
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод,
издание на русском языке
и художественное оформле-
ние, 2022

ВНЕБРАЧНЫЙ РЕБЕНОК

Майнц, 1330—1347

1

Когда Рахиль вышла из дома семейства фон Метц, на нее стеной обрушился ливень. Она устало и равнодушно набросила на голову капюшон шерстяного плаща, понимая, однако, что это очень ненадежная защита от потоков воды, заливавшей в тот осенний вечер еврейский квартал города Майнца. Рахиль сделала первый неуверенный шаг, мгновенно погрузившись в сырость и темноту, и с тоской подумала о теплых, освещенных огнем камина покоех роженицы, которые она только что покинула. Но сегодня ей не суждено было провести тихий вечер в сухом помещении одного из лучших бюргерских домов города. Не успела она выкупать новорожденного Иезекиля и уложить его в колыбельку, как в дом семьи Метц робко вошла промокшая до нитки помощница кухарки.

— Повитуха еще здесь? Это срочно, моей хозяйке очень больно! Мы с хозяином, и кухарка тоже, боимся, что хозяйка умрет. Правда, мавританка говорит, что нет, не умрет, но она вечно из себя всезнайку строит... — Слова с такой скоростью срывались у девушки с языка, что она не успевала делать вдох и оттого хватала ртом воздух.

— Помедленнее. — Юдифь, кормилица, протянула вновь пришедшей полотенце, чтобы та вытерлась. Девушка, похоже, выскочила из дома совершенно неожиданно и не захватила с собой ничего, чем могла бы укрыться от дождя. Чепчик, словно промокший птенец, грустно сидел на ее кудрявых

каштановых волосах. — Так быстро никто не умирает. Успокойся и Расскажи нам еще раз, что стряслось. И вообще, кто тебя сюда прислал?

Но Рахиль уже все поняла. Как только девушка произнесла слово «мавританка», стало ясно: серьезно заболела Сара фон Шпейер. В конце концов, во всем Майнце только у одной еврейской семьи в прислугах ходила арапка: Вениамин бен Иуда фон Шпейер, торговавший с дальними странами, в прошлом году привез из Испании рабыню-мавританку — данной сделке предшествовал грандиозный скандал в городе-резиденции епископа. Подробностей скандала Рахиль так и не узнала, но мавританка по имени Аль-Шифа, очевидно, едва не угодила на костер инквизиции. С тех пор она выполняла разную работу у Шпейеров и в результате заслужила глубокое уважение Рахиль, когда помогала Саре во время ее последних родов и проявила себя как чрезвычайно умелая повитуха. Сама же Рахиль тогда задержалась у другой роженицы и пришла как раз вовремя, чтобы понаблюдать за работой Аль-Шифы. Пока другие женщины в доме толпились вокруг задыхающегося младенца, беспомощно разводя руками, мавританка ловко убрала слизь из его горлышка, вдохнула в легкие воздух — и малыш наконец смог издать свой первый крик.

После этого случая Рахиль частенько задумывалась — а смогла бы она спасти младенца, пользуясь своими обычными средствами? Как бы там ни было, она безоговорочно доверяла решению Аль-Шифы. Безусловно, ее мнение касательно нынешнего состояния Сары Шпейер верное. Но даже если сейчас жизни госпожи Шпейер ничего не угрожает, этот вызов к роженице сулил Рахиль еще несколько часов тяжелого труда. Разумеется, она будет сидеть рядом с Сарой и всячески поддерживать ее — а значит, собственной постели ей сегодня не видать. И если дождь не утихнет, она к тому же промокнет до нитки, пока доберется до дома Шпейеров.

Идя по темной и холодной улице, Рахиль тяжело вздыхала. Она недолго думала, прежде чем выбрать более короткий,

хотя и более опасный путь к городскому дому Шпейеров, стоявшему на улице Шульштрассе. Ночью она предпочитала ходить по широким густонаселенным улицам, а не узким, извилистым улочкам района вокруг синагоги. Между маленькими лавочками и жилыми домами, где обитали не только иудейские семьи, но и несколько бедных христианских семей, укрылась парочка трактиров, которые пользовались дурной славой. Здесь часто собирались настоящие отбросы общества. Возможно, городская стража следила бы за этими трактирами пристальнее, если бы они не были расположены в самом сердце еврейского квартала: стражу совершенно не заботила безопасность бюргеров иудейского происхождения. Если мужчина с полным кошельком денег или даже беззащитная женщина в неурочный час окажутся поблизости «Синих медведей» или «Золотой прялки»... ну что ж, сами виноваты!

Рахиль, которой из-за ее рода деятельности частенько доводилось выходить на улицу по ночам, снова и снова задавалась вопросом: почему еврейский квартал Майнца ничем не огорожен, в отличие от большинства других городов? Иногда ей хотелось окружить себя защитными стенами, хотя, конечно, она знала: когда в город приходит беда, людям ее веры укрыться все равно негде. Вспыхнет ли эпидемия, пожар, придет ли особенно сильный неурожай — во всех своих бедах жители города охотно обвиняли иудеев. И если толпа христиан врывается в иудейское гетто, стены уже не давали защиту, а, наоборот, становились помехой, поскольку делали побег, а значит, и спасение жизни невозможным.

Рахиль внутренне сжалась, готовая вдохнуть зловонную смесь запахов дешевого пива и свиного жаркого, которые в это время, как правило, вылетали из «Золотой прялки», оскорбляя обоняние оказавшихся неподалеку верующих. По крайней мере, в такую холодную и сырую ночь вокруг таверны не должно быть слишком много народа. Даже светловолосые бродяги, которые обычно шлялись в этом районе, сейчас забились в самые темные углы убогих пивнушек. Но

Рахиль все равно оставила свои заработанные деньги в доме Метцев, на всякий случай. Ни за свою жизнь, ни за свою честь она особенно не боялась. В конце концов, она уже немолода, да и красавицей никогда не была. А плоть в районе «Золотой прялки» стоила дешево! Трактирщик продавал молодых девок за бесценок; вдобавок ко всему возле трактира частенько бродили отчаявшиеся юницы, пытаясь на свой страх и риск заработать хоть пару медных монет.

По правде сказать, переулки перед таверной в ту ночь были пустынные, хотя внутри толпились посетители, слышались грубые песнопения и стук кружек. Рахиль вздрогнула, брезгливо закуталась в плащ и попыталась побыстрее миновать неприятное место. Однако ее чуткое ухо уловило женские крики, почти перекрываемые грохотом и шумом, доносившимися из таверны. Неужели кто-то напал на девушку? Повитуха заставила себя продолжить путь: даже если ее опасения верны, она все равно ничем не поможет бедняге. И Рахиль быстро пробормотала молитву.

Но когда она добралась до входа в таверну, крики усилились. Они раздавались не в самой таверне, а за ней, во дворе. Рахиль сжала в руке маленький нож, который всегда брала с собой, если ей предстояло проходить через эту часть квартала. Она была отважной женщиной, и даже угроза виселицы — в случае, если бы ей и правда пришлось отправить негодяя-христианина к его небесному судье, — не заставила бы ее сдать без боя! К тому же она не могла бросить несчастную на произвол судьбы, даже не выяснив, что происходит. Может, это распутница кричит за работой? Но бедняжка вполне могла оказаться иудейкой! Для мужчин этот факт был бы лишь дополнительным искушением: во-первых, в таком случае жертва непременно окажется девственницей, а во-вторых, за осквернение *иудейки* городские стражи навряд ли призовут виновных к ответу. Конечно, на бумаге иудеи находились под защитой епископа, но к тому времени, когда жалоба дойдет до этого благородного господина, место преступления уже порастет мхом.

Рахиль смело вошла во двор за таверной. В одном углу двора находился туалет, а в другом — куча мусора, и вместе они источали ужасающую вонь. Бездомные кошки, лакомящиеся полусгнившими внутренностями, при появлении человека бросились наутек. Взгляд Рахиль метнулся в сторону конюшни, и она тут же поняла, что женские крики доносятся именно оттуда. Однако теперь они стали более слабыми, протяжными и жалобными, и Рахиль, будучи опытной повитухой, немедленно заподозрила, что несчастная вовсе не защищалась от напавших на нее мужчин. Если причиной ее криков и было изнасилование, то оно произошло девять месяцев назад.

Рахиль пошла в ту сторону, откуда доносились крики, прерываемые стонами и плачем, и вскоре услышала другие женские голоса:

— Сколько крови! Такого не должно быть, Аннхен, тут что-то не так... да и ребенок уже тоже должен был показаться. Она все тужится, тужится, но ничего не происходит!

— Да что ты понимаешь, Лене! Ты ж ни разу не рожала, из тебя детей выцарапывали, когда еще и живота почти видно не было! — Девушка говорила нарочито грубо, пытаясь скрыть свой страх.

Наконец Рахиль увидела говоривших: в дальнем углу пустой конюшни горела грязная масляная лампа, и в ее тусклом свете стояли две девушки, склонившиеся над третьей — хрупкой женщиной, которая, очевидно, как раз рожала и плакала от боли. Одна из встревоженных помощниц была высокой блондинкой, другая — пухленькой брюнеткой.

— Она умирает, Аннхен! — прошептала блондинка. — Боже, помилуй ее душу. Ну правда, неужели священник не может...

— Священник не придет в публичный дом, дурочка. — Теперь голос Анны звучал снисходительно. Похоже, она была более опытной распутницей, чем ее подруга Лене.

— Возможно, тут будет достаточно повитухи, — заметила Рахиль, почти до смерти напугав девушек. Они резко

обернулись и вздрогнули от ужаса, когда из темноты к ним внезапно вышла женщина, одетая в плотно запахнутый черный плащ и такой же платок.

— Смерть... — испуганно ахнула Лене. Но более храбрая Аннхен покачала головой:

— Что-то я не слышала, чтобы Мрачный Жнец присылал вместо себя жену, — усмехнулась она. — Нет, эту бабу я знаю. Это старая жидовка, она здесь часто шляется. И по ночам тоже... Кто знает, может, жида охотнее делают это со старыми кошелками...

Рахиль сердито откинула капюшон, обнажив чепчик, говоривший о том, что она почтенная матрона.

— Иудеи предпочитают проводить время со своими женами и плодиться, как велит им Всевышний! — строго произнесла она. — И когда Он благословляет их союз, ребенок обычно рождается не в хлеву, а в доме и на руках у такой старой кошелки, как я. А теперь пропусти-ка меня, шлюха, я хочу посмотреть, смогу ли еще помочь твоей подруге!

Лене запричитала, что Рахиль, по ее мнению, произносит кощунственные речи о Христе, но Анна — очевидно, настроенная более приземленно, чем ее подруга, — поспешно отошла в сторону. Рахиль тоже совершенно не беспокоилась о мнении Лене, хотя рождение ребенка в конюшне действительно напомнило ей о рождении другого дитя — в яслях. Если и существуют люди, чья вера в христианского Бога еще слабее, так это, несомненно, распутницы. И эти девушки находились около конюшни уж точно не с одобрения хозяина. Он не потерпит беременных распутниц в своем заведении. Значит, Лене и Анна спрятали здесь подружку. И уж, конечно, их страх перед разоблачением был сильнее, чем религиозное рвение.

Рахиль поставила сумку в солому и бросила первый внимательный взгляд на молодую женщину, которая лежала на паре вонючих покрывал и тщетно пыталась выдавить из себя ребенка. У Рахили на мгновение перехватило дыхание, когда она увидела ее. Мокрое от слез лицо распухло, губы были

искусаны в попытках уменьшить боль, но тем не менее никому бы не составило особого труда догадаться, насколько ангельски красивой была эта девушка, когда зачинала злосчастного ребенка. С нежной кожей цвета слоновой кости и выющимися золотисто-каштановыми волосами, с тонкими чертами, которые вполне могли послужить образцом для лика Мадонны, она разительно отличалась от Анны и Лене с их грубыми лицами. Длинные нежные пальцы вцепились в грубые покрывала, а изящное тело снова сжалось в очередном приступе боли.

— О Дева Мария! О святая Богородица! — воскликнула роженица. Значит, она все еще оставалась в сознании, хотя и не издала ни звука, пока Анна и Лене ужасались потоку крови, появившемуся у несчастной между ног — вместо головки младенца. Рахиль быстро осмотрела несчастную.

— Раньше надо было брать пример с твоей Богородицы, — проворчала она. — С девственницами такое случается редко...

Роженица всхлипнула, когда схватки стихли, а затем, похоже, собрала последние остатки сил и очень четко произнесла, обращаясь к Рахили:

— Мой ребенок не убудок! — Она, казалось, хотела что-то добавить, но в этот момент у нее опять начались схватки. Теперь они быстро следовали одна за другой, но младенец никак не хотел показываться. Рахиль давно поняла, в чем тут дело.

— Ребенок лежит неправильно, — сказала она девушкам и будущей молодой матери — если та еще была в состоянии понимать человеческую речь. После очередной схватки она только стонала. — Посмотрим, смогу ли я повернуть его. Но для матери уже поздно: она очень ослабела. К тому же у нее что-то порвалось внутри, она теряет слишком много крови. Как ее зовут? Как тебя зовут, девочка?

Рахиль повернулась к роженице и выжидающе посмотрела на нее, но после непродолжительного молчания ей ответила Анна:

— Ее зовут Беатрикс. Но мы не знаем, откуда она. Она появилась здесь несколько месяцев назад вместе со своим

любовником. Парня вскоре убили. Рыжий Ганс завербовал его в свою банду — они нападали на людей и отнимали у них кошельки. Но парень оказался слишком глуп для таких дел. Его вздернули на городской площади.

— Всего-навсего из-за украденного кошелька? — изумленно спросила Рахиль, ощупывая живот Беатрикс. Она пыталась найти место, где можно было бы ухватить ребенка и повернуть его так, чтобы он принял правильное положение. Этот прием срабатывал не всегда, но в отношении хрупкой, худенькой девушки Рахиль была настроена оптимистично. Положение ребенка легко угадывалось даже при поверхностном осмотре. Ах, если бы Рахиль пришла сюда двумя часами ранее...

— Нет, не только из-за кошелька, — ответила Анна. — Рыжий Ганс перед тем зарезал одного типа. Наверное, парень Беатрикс ничего не понял. Может, крови не было видно... Когда пришла стража, разбойники разбежались в разные стороны. Остался только он. Парень стоял как столб и таращился на труп, сжимая окровавленный нож, который Рыжий Ганс сунул ему в руку. Он, конечно, все отрицал, но что толку? — Анна с сожалением пожала плечами.

Беатрикс застонала — у нее опять начались схватки. Внезапно она обмякла, как будто окончательно впав в беспамятство. Она потеряла слишком много крови. Рахиль больше не верила, что сумеет спасти роженицу. Но ребенок внезапно повернулся, приняв правильное положение. Рахиль выпрямилась и облегченно вздохнула, но уже в следующее мгновение ей пришлось снова опуститься на колени рядом с роженицей и принять ребенка. Головка, которая наконец появилась на белый свет, оказалась крошечной. Если бы у плода было правильное положение, роды прошли бы легко. Рахиль вздохнула. Неисповедимы пути Господни...

Она осторожно потянула к себе головку новорожденного и вытащила его по плечи. Затем наружу вытекли околоплодные воды, еще немного крови — и младенец появился на свет.

— Девочка, — сказала Рахиль.

— Она жива? — почти удивленно спросила Анна.

— Ну да! — Рахиль подняла сморщенное окровавленное дитя за ноги и энергично похлопала его по спине, вызвав громкий протестующий крик новорожденной. — Да вы и сами слышите!

Даже Беатрикс, погруженная в милосердное беспамяństwo, казалось, слышала плач. Она снова открыла глаза. Рахиль отметила про себя почти невозможный насыщенно-синий цвет и яркие искорки, вспыхнувшие в них, когда молодая мать узнала своего ребенка.

Беатрикс, похоже, хотела что-то сказать, но от слабости не смогла произнести ни слова. Ее руки неуклюже и резко дернулись, будто бы благословляя дитя. Затем ее голова склонилась набок. Молодая мать умерла.

Рахиль с сожалением закрыла глаза несчастной.

— Роды оказались слишком тяжелыми для нее, — тихо произнесла она. — Бедняжка...

Повитуха не стала уточнять, кого она имела в виду — новопреставленную мать или новорожденную дочь. Ей было жаль обеих. Что станет с маленькой девочкой, увидевшей свет в конюшне публичного дома? Если, конечно, можно было назвать светом то, что давала мутная масляная лампа. Рахиль достала из сумки пару тряпок и кое-как вытерла ребенка. Затем она обернула крошечное тельце в самый сухой платок, какой смогла найти у себя.

— Кто из вас позаботится о ребенке? — спросила она Анну и Лене, недоверчиво разглядывающих тело подруги. В конце концов, когда Беатрикс умерла, Лене перекрестилась. Анну же, похоже, больше беспокоили последствия ее поступка. Хозяин обнаружит умершую утром и непременно станет искать свидетельниц.

— Из нас? — в ужасе переспросила она. — Ты же не думаешь, что мы можем вырастить ребенка... здесь? Господи, да тогда я могла бы родить троих, только вот я не так глупа,

как она! Беатрикс спокойно могла бы избавиться от ребенка, вместо того чтобы рожать, — мы узнавали. Но нет, она решила рожать. Ну и черт с ней. Она получила то, что хотела. А девочка...

— Разве нельзя ее утопить? — предложила Лене. — Как котят топят? Мой старик всегда говорил, что они ничего не понимают. И если мы сначала покрестим ее, она отправится прямо на небеса.

— А ты попадешь в ад, потому что лишила христианина жизни! — сказала Анна и закатила глаза, услышав такую глупость. — Давай просто вынесем ее отсюда. И положим возле собора — туда никто не придет до самого утра. А к утру она все равно умрет.

— Жидовка могла бы и утопить ее, — заметила Лене. — Жидовке это раз плюнуть. А вот оставлять младенца у собора жестоко. Он же замерзнет насмерть!

Рахиль баюкала крошечную новорожденную, которая теперь тихонько плакала, словно понимая, о чем говорят распутницы. Ребенку нужны тепло и молоко, однако единственные люди, которым смогла довериться его мать, думали только о том, как побыстрее избавиться от него, не навредив при этом собственной душе.

— Я не для того помогла ей появиться на свет, чтобы теперь топить! — рявкнула Рахиль. — Ее мать сказала, что ребенок не убудок. Что она имела в виду? Может, у нее есть родственники?

Анна пожала плечами.

— Она сказала, что вышла за своего парня замуж. Мы ей не поверили. Но она пошла работать в бордель только тогда, когда ее парень уже болтался на виселице. Он еще даже остыть не успел... Но ничего не поделаешь, иначе ей пришлось бы выметаться из номера в таверне. Она бы не смогла и дальше платить за жилье, а наш герр Генрих не знает пощады. В любом случае она осталась одна, да еще и беременная. — Анна указала на девочку, которую держала Рахиль.

Рахиль вздохнула. Судя по всему, искать выход предстоит именно ей. Если она оставит младенца на милость Анны и Лене, он не доживет и до утра.

Тем временем Лене наклонилась над новорожденной девочкой и залюбовалась ее нежным личиком.

— Бедненькая, — пробормотала она и добавила, повернувшись к Рахиль: — Но ты должна забрать ее! Если мы оставим ее, то вылетим отсюда... Герр Генрих выставит нас за дверь, как только узнает, что мы спрятали Беа. И мы окажемся на улице вместе с ублюдком. Сильно ему это поможет? Да и молока у нас все равно нет.

С последним нельзя было не согласиться. Эти девушки вовсе не были жестокими. Жестокой была их жизнь. Теперь Рахиль уже не судила их так сурово, но сочувствием делу не поможешь.

После довольно продолжительной паузы она наконец решилась.

— Ладно, я заберу ее с собой, — сказала Рахиль. — Может, отдам ее в монастырь.

Впрочем, она не особенно надеялась на это. Ведь монашкам придется верить ей на слово, когда она поведаст грустную историю младенца. Повитуха-иудейка, которая помогла родиться христианскому ребенку, и где? В конюшне! Кто сможет предсказать, какими последствиями обернется для нее эта ситуация? Рахиль помогала только иудейкам; у христиан были собственные помощницы в родах, и те ревностно оберегали свой источник дохода. И, разумеется, никто из них не снизошел бы до помощи рожаящей публичной девке, независимо от вероисповедания последней. Но поскольку Рахиль уже все равно вмешалась, да еще и получила на руки труп роженицы... она не испытывала ни малейшего желания рассказывать кому-то о своем приключении, ведь, чего доброго, окончится оно могло на костре инквизиции!

Когда Рахиль наконец повернулась, чтобы выйти из конюшни, Анна и Лене вздохнули, не скрывая облегчения. Дождь

все еще шел, и Рахили пришлось спрятать новорожденную под все свои шали и накидки, чтобы та не дай бог не простыла.

Из христианского квартала донесся крик ночной стражи. Пробыл одиннадцатый час. Рахиль охватило чувство вины: из-за помощи в родах Беатрикс она почти забыла о Саре фон Шпейер! Роженица и ее супруг уже, наверное, пребывают в нетерпении. Рахили лишь оставалось надеяться, что в этот раз роды у Сары окажутся не такими сложными, как тогда, когда она рожала Давида! И благословен будь Господь за то, что рядом с Сарой неотлучно находится Аль-Шифа!

2

Рахиль быстро шла вперед и вскоре добралась до солидного каменного дома на Шульштрассе, где обитал Вениамин Шпейер со своим семейством.

Двери на ее стук открыл сам хозяин дома — да так быстро, как будто он стоял у порога, ожидая прихода повитухи. Очевидно, он еще слишком хорошо помнил, как чуть не погиб его сын Давид, и не мог спокойно относиться к таким ситуациям. Наверное, он сидел в маленькой конторе, находившейся в передней части здания, и, погрузившись в документы, пытался хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей.

— Наконец-то вы пришли, госпожа Рахиль! — облегченно воскликнул он. Вениамин фон Шпейер был высоким мужчиной средних лет, который довольно поздно завел семью. Он занимался внешней торговлей и во время деловых поездок исколесил полмира. Он был глубоко предан своей молодой жене — это Рахиль заметила еще во время предыдущих визитов — и обожествлял обоих сыновей, Эзру и Давида. — Где вы так задержались? Я же послал за вами еще несколько часов назад!

Фон Шпейер провел Рахиль в дом, и дрожащая от волнения помощница кухарки — та самая, которая прибегала за Рахиль в дом другой роженицы, — подскочила к повитухе, чтобы забрать у нее платки и покрывала.

— Меня задержали, реб Шпейер, — с подчеркнутой почтительностью обратилась к нему Рахиль. — И в результате у меня на руках оказалось вот это.

Она развернула платок, в который была завернута новорожденная, и протянула девочку хозяину дома. Малышка расплакалась, поняв, что ее лишили тепла и защиты, которые ей давал шерстяной платок.

— Не будете ли вы так любезны распорядиться, чтобы бедняжке дали молока, согрели и перепеленали?

Вениамин фон Шпейер бросил на младенца взгляд, в котором смешались удивление и отвращение.

— Это же новорожденный! Вы его... нашли, госпожа Рахиль?

За его вежливыми словами Рахиль расслышала исполненный укоризны вопрос, хотя и не произнесенный вслух: «Именно из-за него вы заставили нас ждать?»

— В определенном смысле, да, — нетерпеливо ответила она. — У меня его кто-нибудь заберет наконец, чтобы я могла начать оказывать помощь вашей супруге?

— Но это христианский ребенок, не так ли? Или вы думаете, что... — Вениамин фон Шпейер принадлежал к кругу старшин иудейской общины. Перед его мысленным взором прошли все девушки на выданье. Нет, ни одна из них не могла быть беременной.

— Это христианский ребенок, но его нельзя считать незаконнорожденным — по крайней мере, мне так сказали, — ответила Рахиль. — Прежде всего, это просто ребенок, и он голоден. Да, кстати, это девочка. Вот, возьми ее, только гляди не урони! — Она сунула сверток прямо в руки маленькой помощнице кухарки и решительно направилась в комнату роженицы.

— Дай ее мне, — прозвучал тихий голос со странным певучим акцентом.

Аль-Шифа, мавританка, незаметно вышла из покоев своей госпожи. Находясь на втором этаже здания, она вряд ли могла слышать разговор Рахили и Вениамина... Впрочем, возможно,

Сара потеряла терпение и послала служанку за хозяином дома. Помощница кухарки недоверчиво покосилась на Аль-Шифу: неужели правду говорят, что эта женщина с Востока и правда немного колдунья?

Рахиль не разделяла этих опасений, но и она чувствовала себя несколько неуютно под взглядом Аль-Шифы. Мавританка излучала такое достоинство, которым не отличалась ни одна женщина, которую старой повитухе доводилось встречать на своем жизненном пути. Рабыня двигалась с грацией танцовщицы, и каждый ее жест будто бы рассказывал удивительную историю. От нее просто невозможно было отвести взгляд; она неизбежно привлекала всеобщее внимание. Аль-Шифа была уже немолода, но в юности, вероятно, отличалась необыкновенной красотой. Кожа у нее была темнее, чем у большинства иудеек, но не черного и не оливкового цвета, а скорее, такого, какой получился бы, если смешать сливки с темной землей. Черты лица Аль-Шифы отличались благородством: высокие скулы, тонкие, четко очерченные губы. Пленительные глаза были светло-карего, почти золотистого оттенка, а волосы, очевидно, могли похвастаться глубоким черным цветом, пока в них не появились первые седые пряди. Как и полагалось скромной служанке, пышные волосы она прятала под чепчик, но косы получались такие толстые, что было практически невозможно полностью спрятать их под тканью. Если бы Аль-Шифа распустила их, они бы покрыли ее с головы до ног, как длинный плащ. Что же касается тела, то мавританка прилагала огромные усилия к тому, чтобы спрятать его под скромной одеждой горничной, однако все изгибы ее женственной фигуры полностью скрыть не удавалось. Рахиль невольно задалась вопросом: «Не приходится ли Саре иногда сомневаться в верности своего супруга?» Впрочем, Вениамин фон Шпейер оставался слеп к прелестям Аль-Шифы, да и сама мавританка никогда не поощряла мужской интерес к своей особе. По крайней мере, никаких слухов на этот счет не водилось.

Наконец она подошла к повитухе и поклонилась.

— Вы пришли вовремя. Ребенок лежит правильно, и он не крупный. Хозяйка страдает не больше, чем любая иная женщина по велению Божьему, но, похоже, нам придется подождать часок-другой. Врата раскрываются довольно медленно. Если позволите, я присмотрю за вашим подкидышем, пока вы будете заботиться о хозяйке. Позовите меня, если вам понадобится моя помощь.

Аль-Шифа не стала ждать ответа Рахили. Оставаясь совершенно спокойной, она забрала ребенка из рук служанки и открыла его личико — и тут Рахиль впервые увидела, как мавританка улыбается. Длинные тонкие пальцы Аль-Шифы ласково провели по крошечному лицу новорожденной.

— Тебя поцеловал солнечный луч, — забывшись, прошептала она и нежно погладила золотой пушок на головке девочки. — Пусть все поцелуи, которые ты познаешь, будут такими же жаркими и сладкими!

Рахиль оставила Аль-Шифу наедине с ребенком. Теперь ее ожидали другие заботы, а за девочку, оказавшуюся в надежных руках мавританки, можно было не волноваться.

Сару фон Шпейер снедало нетерпение. Роженица была женщиной красивой — и избалованной. Похоже, она воспринимала боль при родах как личное оскорбление и потому вымещала свой гнев на всех, кто находился у ее постели. Рахиль терпеливо выслушала гневный выговор за опоздание к началу родов, а затем спокойно осмотрела Сару. Аль-Шифа была права. Все шло хорошо, только чуть медленно. Рахиль дала помощнице кухарки кое-какие травы для чая. Возможно, с их помощью ей удастся немного ускорить процесс родов. Больше всего Саре нужно было знать, что о ней заботятся. Рахиль попыталась уложить ее поудобнее и заинтересовать новостью о рождении маленького Иезекииля бен Соломона фон Метца, которому она недавно помогла явиться на свет.

— Ах, я так рада за Метцов, что у них мальчик! — Настроение Сары немедленно улучшилось, ведь они с Руфью

фон Метц были близкими друзьями. — С другой стороны, я бы не расстроилась, если бы на этот раз у них родилась дочь. И, думаю, Вениамин тоже, хотя, конечно, он говорит, что для мужчины слишком много сыновей не бывает. А что, если бы Иезекииль Руфи и моя девочка родились в один день... Может, это знак! Мы бы их поженили, когда они вырастут!

Рахиль отметила про себя, что прежде чем отдавать дочь замуж, ее для начала не мешало бы родить, но не стала говорить об этом. Как и не стала упоминать о том, который сейчас час. Полночь еще не пробил, но когда ребенок наконец родится, день уже определенно закончится. Однако ребенок Сары, похоже, решил поторопиться. Роды шли быстрее, чем предполагали Рахиль и Аль-Шифа. Должно быть, присутствие повитухи наполнило Сару новым мужеством. Тем не менее схватки повторялись через некоторые промежутки, и Рахиль заполняла эти паузы несколько сокращенным рассказом о своем приключении в конюшне «Золотой прялки». Конечно, с большой осторожностью: у молодой женщины не должно возникнуть мысли, что Рахиль опоздала к ней из-за христианки, да еще и распутницы. Но сейчас Сара была в хорошем настроении.

— И вы взяли ребенка с собой? — почти весело спросила она. — Этого ублюдка? Зачем он вам сдался?

Рахиль пожалала плечами:

— Кажется, вашей Аль-Шифе малышка понравилась. Я никогда не видела ее такой счастливой, как в тот момент, когда она прижала ребенка к груди. Может, вы позволите ей оставить младенца? — На самом деле Рахиль так не думала, поэтому попыталась задать вопрос как бы в шутку, но ей не удалось скрыть надежду в своем голосе.

— У нее, наверное, были собственные дети, — заметила Сара, но тут же выгнулась от боли, вызванной очередной схваткой. Рахиль поддержала и успокоила ее, напомнила, что нужно правильно дышать, и напоила чаем, когда схватка закончилась. И только тогда снова вернулась к поднятой теме.

— Так, значит, Аль-Шифа была замужем — там, на Востоке, откуда она родом? — спросила Рахиль, не в силах сдерживать любопытства.

Сара покачала головой:

— Она не с Востока, а из иберийских земель. Аль-Андалус, как она их называет. Они находятся далеко на юге, но чтобы добраться туда, море переплывать не нужно. Хотя я не думаю, что у нее были там дети: к тому времени Испания уже стала христианской. Иначе незаконнорожденные не могли бы оказаться в монастыре, а они попадают именно туда, — во всяком случае, так говорят. Ее бывший хозяин отдал ее... ой, опять начинается! Больно! Сделайте что-нибудь, госпожа Рахиль!

Рахиль мало что могла сделать, но сейчас было совершенно не к месту болтать о чем-то еще, кроме того, как облегчить Саре боль. Поэтому повитуха вновь попыталась успокоить и утешить роженицу. Она молча терпела, пока Сара с силой сжимала и царапала ей руки, — роды перешли в завершающую стадию. Молодая мать издавала душераздирающие крики, пока наконец ребенок не появился на свет. Во второй раз за ночь Рахиль приняла маленькую белокурую девочку. Сара сразу же забыла о своей боли, и на ее лице расцвела улыбка.

— Ее нужно назвать Лия! — заявила Сара, пытаясь выпрямиться. — В честь матери Вениамина. Что вы там возитесь так долго, госпожа Рахиль? Дайте ее мне, я хочу увидеть дочь!

Но Рахиль не торопилась. Она спокойно налила в заранее подготовленное корыто холодную воду из деревянной кадки и горячую — из глиняного кувшина, выкупала ребенка и завернула его в чистые полотенца. Только после этого она вручила младенца матери. Маленькая Лия была похожа на подкидыша повитухи. Но какая разная жизнь ожидала двух девочек! Лия вырастет принцессой. У другой малышки пока даже имени не было...

В комнату вошел Вениамин фон Шпейер. Детям, Давиду и Эзре, тоже разрешили войти и познакомиться с сестрой.

Мальчики мало что понимали в новорожденных, но они радовались, что их мать теперь в безопасности. Последние часы они провели на кухне с кухаркой, которая беспрестанно рыдала и молилась, оплакивая хозяйку, словно покойницу.

Что же касается младенца, то у мальчиков не возникло никакого ощущения эффекта новизны, поскольку Аль-Шифа уже позволила им полюбоваться подкидышем.

— У нас теперь две сестры? — спросил маленький Давид. — Тогда нужно быть внимательными, чтобы не перепутать их. Ведь они так похожи!

Сара нахмурилась.

— Давид, разумеется, у тебя только одна сестра — Лия! И ее невозможно перепутать. Как тебе это только в голову пришло! — Она неуверенно рассмеялась и обратилась к повитухе: — А теперь покажите мне вашего бастарда, госпожа Рахиль. Чтобы мне не пришлось думать, что она может оказаться красивее моей дочери!

Рахиль заверила ее, что никогда не видела более красивого ребенка, чем маленькая Лия, и Вениамин поспешил с ней согласиться. А Давид воспользовался возможностью вернуться на кухню и позвать Аль-Шифу.

— Мама хочет увидеть алебарду. Почему мама так ее назвала, Аль-Шифа?

Помощница кухарки, христианка, перекрестилась. Сама кухарка, иудейка, неодобрительно покосилась на мальчика.

Аль-Шифа нахмурилась:

— Твоя мама не говорила «алебарда», Давид. Но давай мы не будем произносить другое слово. Ребенок — дар Аллаха, независимо от того, кто его отец.

При упоминании Аллаха помощница кухарки перекрестилась еще раз. Аль-Шифа встала и собралась идти к роженице вместе с ребенком, как ей велели. Малышка сладко спала у мавританки на руках, положив головку ей на плечо. Девочка была сытой и чистой: Аль-Шифа успела искупать ее и накормить разбавленным молоком.

— Но мама так сказала...

— Твоя мать пошутила, — возразила Аль-Шифа. — Она просто хотела подразнить госпожу Рахиль.

Подойдя к кровати Сары с младенцем на руках, Аль-Шифа поклонилась хозяйке.

Рахиль вдруг подумала, что никогда еще не видела, чтобы Аль-Шифа приседала в реверансе. И этот поклон был, скорее, преисполнен достоинства, чем покорности.

Сара бросила критический взгляд на незнакомого младенца, которого Аль-Шифа завернула в пеленки новорожденной фон Шпейер. Но Сара была так счастлива, что даже не стала ругать мавританку.

— Она действительно блондинка, и к тому же довольно симпатичная, — любезно заметила Сара. — Пожалуй, ты и правда могла бы оставить ее — как товарища по играм для Лии. Как ты считаешь, Вениамин? Примет ли Всевышний этот поступок как знак нашей благодарности? За Лию и наших чудесных сыновей? За то, что Давид выжил после столь тяжелых родов его матери?

В сердце Рахили зародилась надежда. Аль-Шифа переводила взгляд с одного присутствующего на другого: сначала взгляд ее был пустым, но постепенно в нем появилось нетерпение. Наконец она прямо уставилась на своего хозяина. Давид выжил вовсе не благодаря помощи своего бога, а благодаря ее помощи, Аль-Шифы! И она хотела оставить этого ребенка себе! Вениамин фон Шпейер поймал ее взгляд и понял, о чем она думает. Тем не менее он пожал плечами.

— Всевышний, без сомнения, счел бы такой поступок знаком доброты и благодарности. Но как ты себе это представляешь, Сара? Ты не можешь принять христианского ребенка как своего собственного. А ты, Аль-Шифа, даже не спрашивай! И вообще, госпожа Рахиль, вы уже покрестили ребенка? Если нет, то пора. Иначе с вами могут произойти большие неприятности!

— Ай, да кто вообще станет думать о бедной крошке? — снисходительно заметила Рахиль. — Крестили ее или не крестили — кому какое дело? Если бы я не забрала ребенка, его прекрасные крестные утопили бы его, как котенка!

— Никто не станет думать о ребенке до тех пор, пока его никто не видел, — возразил ей фон Шпейер и пристально посмотрел в лицо младенца. — Но как только он где-нибудь появится, люди начнут задавать вопросы. И очень скоро выяснится, что никакая иудейка его не рожала. И мусульманка тоже! — Он повернулся к Аль-Шифе. Она, похоже, покорилась судьбе и лишь молча гладила младенца. В глазах ее больше не горел мятежный огонь. Аль-Шифа прекрасно осознавала границы своих возможностей. Ни у нее самой, ни у ребенка в Майнце будущего не было.

— Но, в принципе, реб Шпейер, вы бы согласились воспитывать ее? — Рахиль была не из тех, кто легко опускает руки. — Что, если бы ей нашли приемную мать-христианку? — И хотя Рахиль обращалась к Вениамину как к главе семьи и хозяину дома, смотрела она на Сару. Молодая мать уже улыбалась чужому ребенку. Аль-Шифа быстро сообразила, что к чему, и положила младенца рядом с хозяйкой, чтобы та могла рассмотреть его поближе. И Сара внезапно обнаружила, что в каждой руке у нее по младенцу.

— В принципе, да... — нерешительно произнес фон Шпейер. Он тоже заметил, как засияли глаза Сары, но для него это означало скорее не надежду, а затруднения.

— Что ж, давайте тогда спросим помощницу вашей кухарки, — решительно предложила Рахиль. — Она ведь христианка, не так ли? В любом случае она постоянно крестится, даже если больше ничего не делает. Где вы вообще ее взяли? Мне она не кажется старательной и трудолюбивой.

Вениамин улыбнулся:

— Сара снова проявила излишнее добросердечие. Как-то раз к дверям нашего дома подошла женщина и попросила взять ее дочь в услужение. Она не очень умна, но вторая

по старшинству из десяти детей, и ей нужна была работа. А чтобы носить воду и зажигать свет в Шаббат, много понимания не нужно...

Почти в каждой иудейской семье была прислуга из числа христиан. В Шаббат — субботу — они избавляли своих господ от необходимости выполнять обычные дела по хозяйству, что иудеям было запрещено по религиозным соображениям.

Рахиль кивнула.

— Если у нее десять детей, то какая разница — одним больше, одним меньше... — рассудила она, взглянув на своего подкидыша. — Мать семейства с удовольствием возьмет малышку на постой за несколько пфеннигов. А когда ее дочь придет на работу, она принесет младенца с собой. Она ведь живет дома, не так ли?

Сара кивнула:

— Конечно. Гретхен уходит домой каждый вечер. Сами понимаете...

Иудеям было запрещено размещать слуг-христиан под своей крышей.

Рахиль просияла:

— Ну вот! Где десять, там и одиннадцать! И никто не спросит, откуда они взяли нового младенца, поскольку все давно сбились со счета. Как полагаете, реб Вениамин? Вы поговорите с девочкой?

Аль-Шифа, почти не веря своим ушам, схватила ребенка, с которым она уже успела попрощаться. Вениамин фон Шпейер заметил, какими глазами она смотрит на младенца. Хозяин дома был перед ней в долгу. Без ее вмешательства его сын тогда бы не выжил.

Наконец фон Шпейер кивнул.

— Тогда придумайте ей имя. — Он встал и отправился на поиски служанки, которая, вероятно, уже сладко спала у печки. Шпейерам приходилось чуть ли не силой отправлять девочку домой каждый вечер. Действительно ли они совер-

шили хороший поступок, решив добавить в ту семью еще и подкидыша? Родной дом Гретхен явно не мог похвастать ни теплом, ни безопасностью.

Гретхен не совсем поняла, о чем идет речь; она и впрямь не отличалась сообразительностью. Поэтому фон Шпейеру пришлось отправиться к ней домой и поговорить с ее матерью. Он с отвращением пробирался по грязным улицам на окраине иудейского квартала. Жадные домовладельцы понастроили в проходах между домами, изначально служившими противопожарной защитой, деревянные лачуги. Так возникли примитивные убежища, дававшие крышу над головой семьям бедняков. Если действительно случится пожар, эти домишки, конечно, сгорят первыми: соседствовавшие с ними каменные дома находились под защитой противопожарных стен. Фон Шпейер втянул голову в плечи, когда Гретхен постучала в дверь своего дома. Тонкие жерди, служившие крышей, прилегали друг к другу неплотно, так что дождь стекал в щели между ними и лил торговцу на голову.

Гретхен, похоже, едва ли обращала внимание на сырость. Она быстро проскользнула внутрь и оставила фон Шпейера вести переговоры с ее матерью. Рике-бондариха оказалась упрямой и хитрой бабой. За очень короткое время она выторговала для новорожденной практически королевское содержание.

— Вы же должны понимать, господин, что речь здесь идет и о чести тоже, — откровенно заявила она. — Все же решат, что младенец — плод утробы моей Гретхен. А ведь она невинна, как агнец Божий, господин! И кто знает, возможно, у нее даже появится муж... Но если все будут знать об ублюдке...

— Вы могли бы выдать младенца за своего ребенка, — предложил Шпейер, пытаясь набраться терпения. При взгляде на детей Рике было очевидно, что в создании этой толпы сорванцов участвовал отнюдь не один мужчина.

— И я позволю Гретхен таскать его туда-сюда? Нет-нет. Если я выдам ребенка за своего, то добавьте на его содержание еще три медных пфеннига в месяц, и тогда вам больше не о чем беспокоиться!

Вениамин окинул взглядом неухоженное жилище: грязный глиняный пол и замызганные, холодные спальные места для детей, которых, конечно же, никто не мыл перед сном. Днем он иногда видел их на улице — они слонялись без дела, никому не нужные. Не такой он представлял себе жизнь маленького подкидыша Рахиль.

— Я добавлю три медных пфеннига, но каждый день вы будете отдавать ребенка Гретхен, чтобы она приносила его нам, а вечером будете класть его в чистую постель. Мы учим Гретхен содержать дом в чистоте и стелить постель. Она поймет, чего я хочу. А если ребенок принесет ко мне в дом вошь или блоху, я больше не стану платить эти три пфеннига! Так что, по рукам?

Вениамин достал кошель.

Бондариха кивнула. Но она все еще не сдалась. Не хватало, чтобы последнее слово осталось за богатым иудеем!

— Но вы принесете его в мой дом только после того, как покрестите, слышите? — заявила она. — Я не возьму ребенка-язычника, и уж тем более жидовского ублюдка!

Вениамин попросил у своего бога отсыпать ему еще немного терпения и кивнул.

— Ребенка покрестят по христианскому обычаю, и уже в воскресенье вы сможете принести его к причастию, — пообещал он.

После этого ему снова пришлось будить Гретхен. Девочка уже успела заснуть на куче соломы, служившей ей постелью, и не понимала, зачем ей опять идти к Шпейерам и забирать оттуда младенца.

— Ой, да пусть они обе сегодня переночуют у вас! — великодушно предложила бондариха. Очевидно, ей не хотелось вставать, чтобы открыть дверь Гретхен. И еще ей хотелось

хотя бы сегодня не слушать плач новорожденной. — Соседи уже видели, как Гретхен вернулась домой, так что никто не станет чесать языком.

Итак, Гретхен, как и полагается хорошей прислуге, послушно поплелась за своим господином обратно в дом Шпейеров. Там она блаженно уснет в теплой кухне, у печки, и за это даже согласится баюкать свою новую сестренку. Однако сначала малышке следует дать имя — Аль-Шифа уже всю голову себе сломала, думая, как же назвать новорожденную.

— Это должно быть христианское имя. Но в нем так же должно быть немного солнца... — заявила Аль-Шифа, когда Рахиль, набравшись наконец храбрости, полила водой лобик новорожденной, неохотно перекрестила ее и произнесла христианское правило. Согласно закону она обязана была поступить так, если помогала появиться на свет ребенку от родителей-христиан и подозревала, что долго он не протянет. При этом необходимость провести целую ночь в иудейском доме считалась более опасным для жизни обстоятельством, чем преждевременные или тяжелые роды.

— Крещу тебя под именем...

— Люция, — приняв решение, твердо произнесла мавританка. — Свет.

3

Вот так и началась жизнь маленькой Люции в двух мирах, отличных абсолютно во всем. Когда Гретхен на рассвете приносила ребенка на Шульштрассе, Аль-Шифа уже ждала их, чтобы искупать и заново перепеленать младенца. Она кормила малышку сначала сладким молоком, а затем — медовой кашей, пела ей песенки и, наконец, переодев в рубашку из лучшего льна, укладывала ее в ту же колыбельку, в которой спала Лия. Когда Сара фон Шпейер вставала с постели, то обычно обнаруживала детей рядом друг с другом; она

ласкала их и баюкала, почти не делая между ними различий. Двух «маленьких принцесс» холили и лелеяли, и, как только они начали понимать первые слова, им стали читать и играть с ними.

Но после захода солнца, когда работа Гретхен заканчивалась, Люцию так же быстро вырывали из жизни принцессы, как утром — вносили туда. Гретхен тащила ее, как мешок с песком, а сразу по возвращении домой роняла на грязную лежанку, даже не думая давать ей на ночь молоко, заботливо приготовленное Аль-Шифой. Вместо этого угощение попадало в желудки бондаревок и бондаревичей, которые так шумно дрались из-за него, что Люция частенько просыпалась и плакала от страха и холода, пока усталость не брала над ней верх. Бондариха считала, что поскольку младенец засыпал, то воспитательный процесс удался. Ее собственные дети в младенчестве тоже плакали от голода, как только у нее пропадало молоко, — а это обычно происходило быстро, ведь она зачинала следующего ребенка уже через несколько недель после родов.

Хуже всего Люция чувствовала себя в выходной день, когда Гретхен не нужно было идти на работу и малышка оставалась с детьми бондарихи. Пеленки ей меняли редко, а кормили и того реже. Большую часть времени ее рвало размоченным в воде черствым хлебом, которым Гретхен «набивала ей рот», как выражалась бондариха. На следующий день она возвращалась к Шпейерам грязная, а иногда и завшивевшая. Аль-Шифа сурово отчитывала Гретхен за подобную «заботу» о ребенке, но девочка давно поняла, что уход за Люцией дает ей определенную власть: если Шпейеры вышвырнут Гретхен на улицу, они потеряют и Люцию. И потому девочка не особо страдала из-за выволочки, которую ей устраивала Аль-Шифа, а иногда даже дерзко возражала мавританке. В результате Аль-Шифа махнула на нее рукой. В конце концов, нужно было подождать совсем немного, прежде чем Люция научится ходить, а значит, сможет

сама прибегать на Шульштрассе. А у служанок вроде Гретхен не так уж много выходных.

По мере того как Люция росла, она все больше осознавала различие между собой и Лией. Теперь каждый вечер девочки кричали и плакали, потому что малышка не хотела уходить с Гретхен. Лия тоже с трудом расставалась со своей «молочной сестрой» и громко плакала вместе с ней. Но, по крайней мере, ей не предстояли ежевечерние мучения в семье бондарихи. Люция больше не засыпала, когда Гретхен приводила ее домой, и участвовала в «семейной жизни», которая в основном состояла из того, что другие дети дразнили и мучили ее.

— А что такое «ублюдок»? — спросила она однажды утром Аль-Шифу, когда ей было лет пять. Мавританка позволила детям играть у ее ног, пока она смахивала пыль и натирала воском прекрасные сундуки Сары, сделанные из лучших пород дерева. Люция и Лия достали глиняные фигурки и играли «в семью». Сара фон Шпейер, сидевшая у огня с книгой, всплеснула руками.

— Откуда ребенок знает такие выражения, Аль-Шифа? Люция, малышка, такие слова пачкают ротик, его потом мыть придется!

Вид у Люции был растерянный; она переводила вопрошительный взгляд своих темно-синих глаз с одной приемной матери на другую.

— Но так говорят дети бондарихи! — возразила она. — Они меня вчера так называли. А если я и правда... вот это... я должна знать, что это такое.

Накануне была Страстная пятница — самый опасный день в году для иудеев Майнца. В день распятия Христа иудейскому населению было запрещено появляться на публике. Они прятались в своих домах, стараясь не привлекать к себе и малейшего внимания. В такие дни даже мелочи могли вызвать серьезные преследования. Формально епископ Майнца опекал общину, но во время последних беспорядков

его стражи вмешались только после того, как погибли десять членов общины.

Аль-Шифа иудейкой не была, но она тоже оставалась дома, хотя ее сердце истекало кровью, когда она видела, как Люция идет в церковь с бондарихой. Она давно опасалась того, что малышка может услышать там как от священников во время мессы, так и от других детей. К тому же Люция неизбежно принимала участие в иудейских праздниках и церемониях, которые устраивались в доме Шпейеров. Девчушка повторяла молитвы на иврите с таким же энтузиазмом, как песни и детские стихи, которые Аль-Шифа пела для нее на своем родном языке. Невозможно представить, чтобы Люция повторила что-то из этого репертуара пастору!

Но проблема возникла не из-за воспитания, полученного в иудейской семье, а, скорее, из-за прошлого девочки. Аль-Шифа вздохнула.

— Тебе не нужно это слушать, Люция! — после довольно продолжительной паузы заявила мавританка. — «Ублюдок» означает... ну, это значит, что мать и отец ребенка не состояли в браке друг с другом. Но это не так. Твоя мать заверила госпожу Рахиль, что она — жена твоего отца перед Богом и людьми, законная жена. Дети просто хотят позлить тебя, Люция. Девочка задумалась.

— Но у бондарихи тоже нет мужа, — заметила она. — Тогда, значит, эти дети...

Сара фон Шпейер сдержала смехок.

— Вот почему мы не употребляем такие слова! — решительно закончила разговор Аль-Шифа. — А теперь идем, Люция. Помоги мне, пожалуйста, затопить печку, чтобы все сегодня могли поесть горячей еды

В субботу, в праздник Шаббат, иудеям нельзя было заниматься такими вещами. Этот священный день был выделен для отдыха и учебы. Обычно мужчины проводили большую часть дня в синагоге, однако в эту пасхальную субботу Вениамин фон Шпейер решил не участвовать в общем изучении

Торы. В такой день лучше не попадаться христианам на глаза и не раздражать их своим нарядом, который они были обязаны носить в христианских городах: желтый «жидовский» колпак и желтый кружок на одежде. Во время больших церковных праздников иудеи предпочитали оставаться дома.

Люцию никогда не брали с собой в синагогу, куда ходили дети Шпейеров, но она любила Шаббат. Каждую пятницу она с нетерпением ждала субботнего ужина и дрожала от предвкушения, когда Сара зажжет особые субботние свечи, а Вениамин торжественно объявит о наступлении праздника. Христианские праздники в семье Гретхен почти не отмечали. Правда, бондариха затаскивала свой выводок в церковь; после этого, однако, дети оставались одни, а она сама ходила по тавернам. Поэтому неудивительно, что Люция с гораздо большим нетерпением ждала Хануку и Пейсах, чем Рождество и Пасху.

Ей не нравилось ходить в церковь, хотя христианские песни и молитвы она выучила так же быстро, как и иудейские. Но церковь не была теплой и уютной, как гостиная Шпейеров. Люции казалось, что большое помещение, освещенное только свечами, остается темным, в то время как большинство христиан считали наоборот. Дети бондарихи не могли налюбоваться на толстые восковые свечи и лампадки перед изображениями святых. У Шпейеров же, напротив, свечи в подвесных и настенных бра прекрасно освещали гостиную, а у Лии даже был ночник — такой стеклянный шар, куда можно было поставить свечу. По сравнению со всем этим великолепием христианская церковь казалась мрачной и зловещей.

Мессы тоже не приносили Люции ни удовольствия, ни пользы. Бесконечное стояние на коленях во время проповеди и молитв утомляло ее и навевало скуку. И, что еще хуже, дети христиан набрасывались на «ублюдка», как только служба заканчивалась. Они кидали в Люцию мусор, преследовали ее на улице, пытались загнать во двор какой-нибудь таверны или публичного дома, крича при этом: «Может, ты найдешь там

Содержание

Внебрачный ребенок	5
Чумной доктор	120
Иудеи Ландсхута	258
Люция фон Брукберг	371
Любовь герцогини	494

Літературно-художнє видання

ДЖОРДАН Рікарда

Люція. Врятована

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *А. В. Альошичева*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 26.10.2021. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 31.08. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ДЖОРДАН Рикарда

Люция. Спасенная

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *А. В. Алёшичева*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 26.10.2021. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 31.08. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Майнц, 1348 рік. Чорна смерть забирає сотні життів. Ліків немає, і немає надії. Лише Люція, молода дівчина, наважується вступити в сутичку зі смертельною епідемією. Вона вихована у прийомній родині, де їй дали освіту і пробудили інтерес до медицини. Тепер Люція стає рятівницею для багатьох людей. Разом з молодим цілителем Клеменсом фон Трейстом, ризикуючи власним життям, вона стримує чуму. Але в розпал епідемії дівчина втрачає вірного супутника й коханого Клеменса.

У Майнці стає небезпечно. Люцію оголосили відьмою, і вона повинна втекти з міста. Що чекає на неї попереду, поза межами міських стін, там, де немає союзників і друзів? Зустріч з улюбленим і порятунок? Або спопеляюча правда про минуле, що відбере в неї надію?..

Джордан Р.

Д42 Люция. Спасенная : роман / Рикарда Джордан ; пер. с нем. А. Ивахненко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 592 с.

ISBN 978-617-12-9285-7

ISBN 978-3-404-15-990-1 (нем.)

Майнц, 1348 год. Черная смерть уносит сотни жизней. Лекарства нет, и нет надежды. Лишь Люция, молодая девушка, отваживается вступить в схватку со смертельной эпидемией. Она воспитана в приемной семье, где ей дали образование и пробудили интерес к медицине. Теперь Люция становится спасительницей для многих людей. Вместе с молодым целителем Клеменсом фон Трейстом, рискуя собственной жизнью, она сдерживает чуму. Но в самый разгар эпидемии девушка теряет верного спутника и возлюбленного Клеменса.

В Майнце становится небезопасно. Люцию объявили ведьмой, и она должна бежать из города. Что ждет ее впереди, за пределами городских стен, там, где нет союзников и друзей? Встреча с любимым и спасение? Или испепеляющая правда о прошлом, которая отберет у нее надежду?..

УДК 821.112.2

Энлин — дочь кельнского купца, умница и красавица. Свободолюбивая и дерзкая, все свое время она проводит с лошадьми. Сердце девушки жаждет приключений. Когда отец решил снарядить брата Энлин в рискованный поход, девушка обманом отправилась в путешествие вместо него. Ее сопровождал учитель фехтования, отважный дон Альваро. Но на путников напали злоумышленники, и только по счастливой случайности их спас от насилия рыцарь Родриго Диас де Вивар. Энлин уже была готова подарить ему свое сердце. Однако рыцарь взял ее в плен и продал работорговцу. Теперь девушку ждет участь гаремной рабыни...